

А. С. Пушкин

Сказка Царя Салтана,

о сыне его
славном и могучем богатыре
князе Гвидоне Салтановиче
и о прекрасной царевне
Лебеди

Художник Р. Былинская

ДИАФИЛЬМ В 3 ЧАСТЯХ

ЧАСТЬ
1

Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком.

„Набы я была царица, —
Говорит одна девица, —

То на весь крещёный мир
Приготовила б я пир“.

„Набы я была царица, —
Говорит её сестрица, —

То на весь бы мир одна
Наткала я полотно“.

„Набы я была царица, — Я б для батюшнi-царя
Третья молвила сестрица, — Родила богатыря“.

Только вымолвить успела,
Дверь тихонько заскрипела,
И в светлицу входит царь,
Стороны той государь.

Во всё время разговора
Он стоял позадь забора;

Речь последней по всему
Полюбилася ему.

„Здравствуй, красная девица, —
Говорит он, — будь царица

И роди богатыря
Мне к исходу сентября.

Вы ж, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь из светлицы,
Поезжайте вслед за мной,

Вслед за мной и за сестрой:
Будь одна из вас ткачиха,
А другая повариха"...

Царь недолго собирался:
В тот же вечер обвенчался...

В нухне злится повариха,
Плачет у станка ткачиха—
И завидуют оне.
Государевой жене.

В те поры война была.

Царь Салтан, с женой простясь,

На добра коня садясь,

Ей наказывал себя

Поберечь, его любя...

Наступает срок родин;
Сына бог им дал в аршин,
И царица над ребёнком,

Как орлица над орлёнком;
Шлёт с письмом она гонца,
Чтоб обрадовать отца.

The image shows a stylized illustration of a scroll. On the left side of the scroll, there are three figures: a woman in a black headscarf and white dress, and two women in white dresses with yellow aprons and tall, pointed yellow headpieces. On the right side, a figure in a red tunic is riding a brown horse through an arched doorway. The scroll itself is white with red text and decorative flourishes. The background is a solid red color.

Родила царица в ночь
не то сына, не то дочь;
не мышонка, не лягушку,
а неведому зверюшку.

А тначиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Извести её хотят,

Перенять гонца велят;
Сами шлют гонца другого
Вот с чем от слова до слова:

Как услышал царь-отец,
Что донёс ему гонец,
В гневе начал он чудесить

И гонца хотел повесить;
Но, смягчившись на сей раз,
Дал гонцу такой приказ:

А тначиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Обобратить его велят;

Допьяна гонца поят
И в суму его пустую
Суют грамоту другую...

The image shows a scene with two figures in traditional, possibly Russian, clothing. On the left, a figure in a dark red or brown robe and a tall, dark hat. On the right, a figure in a yellow or gold robe and a similar tall hat. Between them is a large, light-colored scroll with a decorative border. The scroll contains text in a stylized, handwritten Cyrillic font. Below the text is a small decorative flourish. The entire scene is set against a dark background.

Царь велит своим боярам,
Времени не трать даром,
И царицу и приплод
Тайно бросить в бездну вод.

Прочитали вслух уназ

И царицу в тот же час...

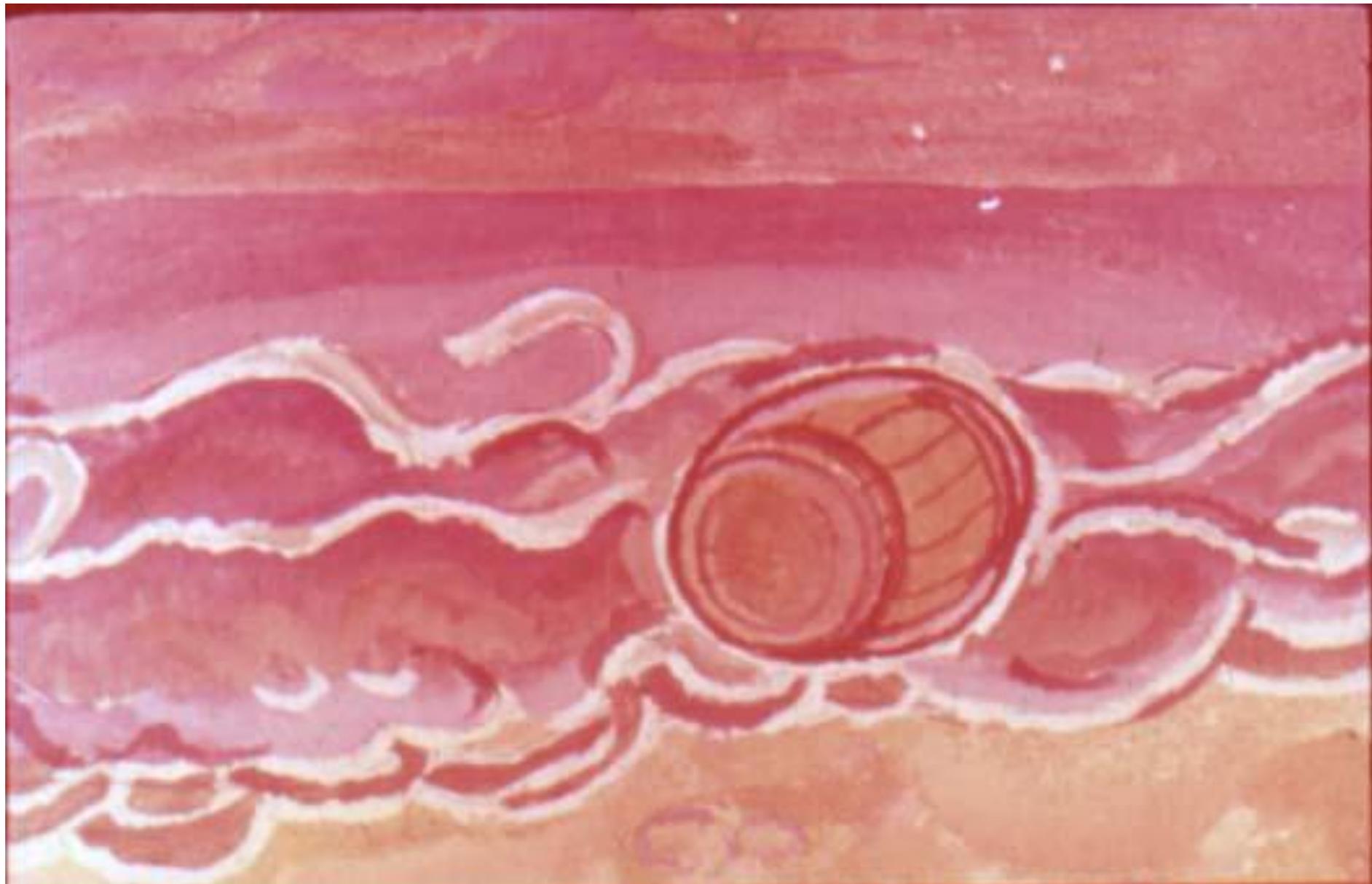

...В бочку с сыном посадили,
Засмолили, покатали

И пустили в окиян —
Так велел-де царь Салтан.

В синем небе звёзды блещут,
В синем море волны хлещут;
Туча по небу идёт,
Бочна по морю плывёт...
И растёт ребёнок там
Не по дням, а по часам.
День прошёл, царица вопит...
А дитя волну торопит:
„Ты, волна моя, волна!
Ты гульлива и вольна...
Не губи ты нашу душу:
Выплесни ты нас на сушу!“

И послушалась волна:
Тут же на берег она

Бочку вынесла легонько
И отхлынула тихонько.

Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,
Понатужился немножко:

„Как бы здесь на двор оношко
Нам проделать?“ – молвил он,
Вышиб дно и вышел вон.

Мать и сын теперь на воле;
Видят холм в широком поле,

Море синее кругом,
Дуб зелёный над холмом.

Сын подумал: добрый ужин
Был бы нам, однако, нужен.
Ломит он у дуба сук
И в тугой сгибает лун...
Тонку тросточку сломил,
Стрелной легкой заострил
И пошёл на край долины
У моря искать дичины.

К морю лишь подходит он,
Вот и слышит будто стон...
Видно, на море не тихо;

Смотрит – видит, дело лихо:
Бьётся лебедь средь зыбей,
Норшун носится над ней...

Но как раз стрела запела,
В шею коршуна задела –

Коршун в море кровь пролил,
Лук царевич опустил;

Смотрит: коршун в море тонет | Злого коршуна клюёт,
И не птичьим криком стонет, | Гибель близкую торопит,
Лебедь около плывёт, | Бьёт крылом и в море топит —

И царевичу потом
Молвит русским языком:
„Ты, царевич, мой спаситель,
Мой могучий избавитель,
Не тужи, что за меня
Есть не будешь ты три дня,
Что стрела пропала в море;
Это горе – всё не горе:
Отплачу тебе добром,
Сослужу тебе потом:
Ты не лебедь ведь избавил,
Девицу в живых оставил;
Ты не коршуна убил,
Чародея подстрелил.
Ввек тебя я не забуду:
Ты найдёшь меня повсюду,
А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись“.

Улетела лебедь-птица,
А царевич и царица,

Целый день проведши так,
Лечь решились натошан.

Вот открыл царевич очи,
Отрясая грёзы ночи,

И, дивясь, перед собой
Видит город он большой...

Он скорее царицу будит;
Та как ахнет!.. „То ли будет?—

Говорит он, —вижу я:
Лебедь тешится моя“.

Мать и сын идут ко граду.

Лишь ступили за ограду,
Оглушительный трезвон
Поднялся со всех сторон:

В колымагах золотых
Пышный двор встречает их;
Все их громко величают

И царевича венчают
Княжей шапкой, и главой
Возглашают над собой.

И среди своей столицы, | В тот же день стал княжить он
С разрешения царицы, | И нарёкся: князь Гвидон.

Ветер на море гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.

Корабельщики дивятся,
На кораблике толпятся,
На знакомом острове
Чудо видят наяву:

Город новый златоглавый, | Пушки с пристани палят,
Пристань с крепкою заставой. | Кораблю пристать велят.

Пристают к заставе гости;
Нязъ Гвидон зовет их в гости,
Их он кормит и поит

И ответ держать велит:
„Чем вы, гости, торг ведёте
И куда теперь плывёте?“

Норабельщени в ответ:
„Мы объехали весь свет,
Торговали сободями,
Чернобурыми лисами;
А теперь нам вышел срон,
Едем прямо на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...“

Ннязь им вымолвил тогда:
„Добрый путь вам, господа,
По морю по окияну,
К славному царю Салтану;
От меня ему поклон“.

Гости в путь, а князь Гвидон
С берега душой печальной
Провожает бег их дальный;
Глядь – поверх тенучих вод
Лебедь белая плывет.

„Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?“ – говорит она ему.

Нязь печально отвечает:
„Грусть-тосна меня съедает,
Одолела молодца:
Видеть я б хотел отца“.

Лебедь нязю: „Вот в чём горе!
Ну, послушай: хочешь в море
Полететь за кораблём?
Будь же, нязь, ты номаром“.

И крылами замахала,
Воду с шумом расплеснала

И обрызгала его
С головы до ног всего.

Тут он в точку уменьшился,
Номаром оборотился,
Полетел и запищал,

Судно на море догнал,
Потихоньку опустил
На корабль – и в щель забился.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит...

И желанная страна
Вот уж издали видна.

Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовёт их в гости,

И за ними во дворец
Полетел наш удалец.

Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице;

А тначиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят
И в глаза ему глядят.

Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
„Ой вы, гости-господа,

Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?“

Корабельщики в ответ:
„Мы объехали весь свет;
За морем житьё не худо,
В свете ж вот такое чудо:
В море остров был крутой,
Не привальный, не жилой;
Он лежал пустой равниной;
Рос на нём дубок единый;
А теперь стоит на нём
Новый город со дворцом,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами,
А сидит в нём князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон“.

Царь Салтан дивится чуду;
Молвит он: „Ноль жив я буду,

Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу“.

А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить.

„Уж диновинка, ну право, —
Подмигнув другим лукаво,
Повариха говорит, —
Город у моря стоит!

Знайте, вот что не безделна:
Ель в лесу, под елью белна,
Белна песенки поёт
И орешки всё грызёт,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра – чистый изумруд;
Вот что чудом-то зовут“.

Чуду царь Салтан дивится,
А комар-то злится, злится—
И впился комар как раз

Тётке прямо в правый глаз.
Повариха побледнела,
Обмерла и окривела.

Слуги, сватья и сестра
С криком ловят комара.
„Распроклятая ты мошна!

Мы тебя!..“ А он в окошко
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

The background is a light beige color with a repeating pattern of stylized flowers and leaves in a reddish-brown hue. A central white rectangular box with a decorative, scalloped border contains the title text.

**ВОНЕЦ
1^а ЧАСТИ**

Д-431-64

Черно-белый 0-20. Цветной 0-30